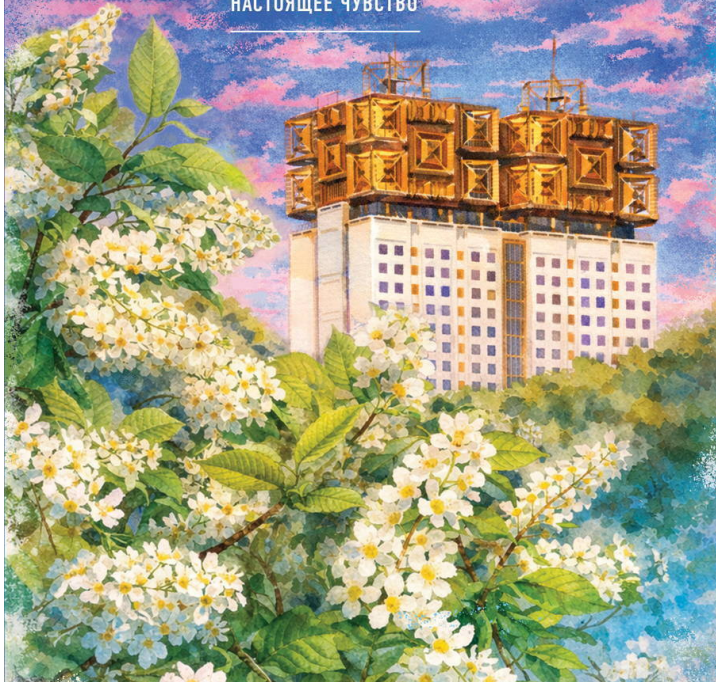

Матвеева
ТРОИНА

ВРЕМЯ, ПРОСТИ!

ЧУЖОЕ ПРОШЛОЕ
НАСТОЯЩЕЕ ЧУВСТВО

Татьяна Михайловна Тренина
Время, прости!
Серия «Нити любви.
Романы Т. Трениной»
Серия «Новая юность», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73844373
ISBN 978-5-04-245820-0

Аннотация

Продолжение невероятной и романтической истории от Татьяны Трениной. Взрывной микс жанров и уютная, «ламповая» атмосфера прошлого!

Она вернулась из 2025 года в 1979-й, чтобы спасти любимого, – и стала его женой.

Алена изменила прошлое, но прошлое не любит вмешательств. Двойник рядом, опасный поклонник слишком проникателен, тайна машины времени под угрозой. Сколько жизней можно спасти, прежде чем время потребует плату?

Третья книга цикла «Новая юность», продолжение книги «Хрупкое завтра».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

41

Татьяна Трoнина

Время, прости!

© Трoнина Т., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

...Я шла по коридору, когда прямо над ухом раздался короткий резкий звонок. От неожиданности я вздрогнула и чуть не выронила тяжелую хрустальную чашу с яблоками, которую несла из кухни в гостиную. Кого это принесло?

Два дня назад мы с Артуром официально сочетались браком. Все как у людей: роспись в загсе, автомобили «Волга» в цветах, лентах, с кольцами на крыше и куклами на капоте, поездка к Мавзолею, затем на Воробьевы горы, а под вечер состоялся пышный банкет в знаменитом ресторане – с икрой, крабами, свежайшими разносолами и огромным тортом на сливочном масле. Настоящем масле, не маргарине. И уж тем более в его составе отсутствовали «растительные жиры» и химические заменители: было еще далеко до тех времен, когда чистый сливочный вкус станет роскошью.

Сегодня мы собрались узким кругом, только свои. И больше никого не ждали.

Этот звонок напугал меня: он прозвучал слишком требо-

вательно и грозно. Словно это пришли за мной! Вот сейчас в квартиру войдут четким строем «официальные лица», скажут холодно: «Пройдемте, гражданка, вы тут находитесь незаконно!» – и уведут меня под белы ручки в казенный дом. И конец медовому месяцу, да и всему моему безмятежному существованию...

Но не открыть было нельзя. Да и вообще, я это все давно представляла в своих кошмарах, словно готовилась к провалу. Он казался мне неизбежным, ведь рано или поздно меня должны разоблачить?.. Так что придется встретиться с опасностью лицом к лицу.

Я поставила чашу с яблоками на комод, и рука сама потянулась к холодной металлической ручке на входной двери – тяжелой, литой. Эта дверь, как и во всем нашем старом доме, открывалась внутрь: так было принято в этом времени.

Домработница Раиса как-то высказалась, что входная дверь съедает площадь прихожей, мешая поставить большой шкаф для верхней одежды. «Пожарная безопасность, – строго заметил тогда Петр Дмитриевич, отец Артура, архитектор. – Чтобы, например, при пожаре пожарные смогли бы выбить дверь снаружи».

Мимоходом Петр Дмитриевич добавил, что в деревнях и снежных регионах двери тоже всегда открываются внутрь – даже если их завалит снегом, все равно получится выбраться.

Мой свекор пока еще не подозревал, что лет через десять, в лихие девяностые, многие поставят железные двери, от-

крывающиеся наружу, чтобы злоумышленнику было сложнее их выбить.

Стоп. Но откуда я знаю об этом в 1979 году?

Так я сама прибыла сюда из будущего, с помощью машины времени! Из 2025 года. Правда, об этом знает только мой муж Артур Дельмас (ударение на последнем слоге, это французская фамилия).

...Я повернула ручку, негромко щелкнул замок. Затем я медленно, обреченно, даже покорно распахнула дверь и замерла.

На пороге с уверенным видом и открытым взглядом стоял незнакомый молодой человек. Он держал в руках букет пестрых осенних цветов, а через плечо у него был перекинут ремень гитары.

У гостя были длинные волосы соломенного цвета. Одет он был по уже уходящей моде: расклешенные джинсы, из-под замшевого пиджака песочного цвета выглядывала припаленная рубашка – так называемый батник.

– Алена? – улыбнулся молодой человек. – Привет! Узнала меня?

Гость выглядел настолько вызывающе ярко, что напоминал персонажа из кино. Только вот какого?

– Я Павел. Однокурсник Артура, – добродушно пояснил гость, заметив мое недоумение. – Хотя мы с ним учимся на разных факультетах. Пусть с опозданием и без приглашения, но хочу поздравить его и тебя со свадьбой...

Я молчала, глядя на незнакомца.

А все потому, что меня сбили с толку, заморозили его бесстыдные ласковые глаза. Зачем он здесь – этот бродячий музыкант с бесшабашной улыбкой? Почему он смотрит на меня так, будто знает некий секрет, о котором я сама еще не догадываюсь?

– Павел? – наконец очнувшись, произнесла я. – Привет, проходи, конечно...

И он переступил порог, обдав меня волной холодного осеннего воздуха.

– Это тебе. – Павел втиснул мне букет в руки, его пальцы коснулись моих.

Слишком откровенный взгляд, чересчур долгое прикосновение... Мне это не понравилось, нахлынула тревога. А вдруг гость действительно что-то знает обо мне?

– Кто пришел? – В коридор выглянул Артур.

Я видела его пять минут назад. Каждую его черту я, казалось, знала наизусть, но до сих пор мое сердце начинало биться быстрее, когда я видела мужа даже после небольшого перерыва.

Артур стоял посреди коридора, и свет от настенного бра падал на него сбоку, подчеркивая широкий разворот плеч; четкий рельеф мышц проступал сквозь ткань рубашки. В его позе сейчас не было вызова, но в ней чувствовалась спокойная сила.

Его черные волнистые волосы показались мне сейчас ис-

синя-черными, а темные брови выглядели еще резче на фоне белой кожи. Эту белизну оттеняла легкая щетина на щеках. Когда Артур целовал меня по утрам, она кололась – легко и будоражаще. Линия его челюсти – точеная, твердая, я часто ловила себя на том, что задерживаю на ней взгляд, когда Артур говорит. Меня завораживала и его сильная шея, и этот переход от ключиц к горлу, видный в распахнутом вороте рубашки.

Артур посмотрел на меня. Его глаза... Я все еще не могу определить их цвет. Сейчас, в боковом освещении, они отливали голубоватой сталью, холодные и прозрачные. Но я знаю, что ясным днем, на солнце, они наполнятся густой синевой.

Нос у Артура был с горбинкой, совсем не идеальный, но именно эта особенность и делала его лицо таким характерным, живым. Губы – твердые, резко очерченные. Он редко улыбался широко, чаще это лишь легкий изгиб в уголках губ, и для меня его улыбка каждый раз была подарком.

– О, Пашка, привет! – продолжил Артур, обращаясь к гостю. – А это теперь моя законная супруга, Алена, познакомься с ней в новом качестве... Проходи, Пашка, представлю тебя родителям...

Я понесла букет на кухню, спросила у Раисы, где найти вазу для цветов. Я жила в квартире Дельмасов всего два дня и еще не успела запомнить все детали их быта.

– Я сама поставлю, а ты иди к гостям, деточка, – добро-

душно сказала пожилая домработница, забирая у меня цветы.

Возвращаясь, я снова остановилась у входной двери в коридоре. Почему я открыла, даже не спросив, кто там? В детстве звонок означал: пришла подруга Нина или мама. Услышав знакомую трель, я сразу бросалась щелкать замками. Мама сердилась: «Не открывай, не спросив, кто там!»

А в лихие девяностые тот же звонок откровенно пугал. Я тогда представляла маньяка за дверью, прямо среди бела дня. О маньяках тогда ходило много разговоров.

Помнится, как-то раз поздним вечером в те годы приключилась недобрая история: шум в подъезде, голоса, люди в форме. Опрашивали соседей. Пока я разговаривала с милиционерами, мимо пронесли длинный черный мешок... Позже узнала: кого-то из соседей застрелили прямо через глазок, когда он спрашивал, кто там. После этого я долго боялась вообще подходить к двери.

Спустя десятилетия, в двадцать первом веке, уже я сдерживала свою старенькую маму, рвавшуюся открыть дверь при каждом звонке.

И вот сейчас, в 1979-м, этот старый страх снова ожил во мне, смешавшись с новым, куда более реальным – страхом разоблачения.

Именно поэтому мне так не хотелось возвращаться в прошлое, ведь с течением времени мне вновь предстояло пережить ненавистные девяностые... Но два момента перевеси-

ли: страстное желание спасти Артура, мою первую любовь, от гибели и возможность вернуть свою молодость. Машина времени дала мне этот шанс. Из шестидесятитрехлетней одинокой женщины я превратилась в девятнадцатилетнюю девушку, перенесшись на сорок шесть лет назад. Артура я спасла и даже стала его женой...

Я вернулась в гостиную, где в самом разгаре было чаепитие, села рядом с Артуром. Он крепко сжал мою руку под столом, словно говоря: «Я рядом, я с тобой».

Внимание всех собравшихся было привлечено к незваному гостю – Павлу.

Он в этот момент с подчеркнутой учтивостью беседовал с родителями Артура и Николая, его младшего брата:

– ...Петр Дмитриевич, Мария Олеговна, позвольте еще раз поздравить! У вас замечательный сын. Артур – гордость факультета, да и всего Бауманского училища¹ без преувеличения. Его работы – настоящая сенсация. И Колька, – кивнул он в сторону Николая, – он ведь тоже подает большие надежды. Видно, в вашей семье царят настоящие ценности: жажда познания и трудолюбие!

Петр Дмитриевич был явно польщен:

– Спасибо, Павел, вы очень любезны. Артур действительно много работает. А Коля... – Он посмотрел на младшего

¹ Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана (МВТУ им. Н. Э. Баумана) переименоуют в 1989 году в Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (МГТУ).

сына с шутовой строгостью. – Ну у него все еще впереди. Хотя с одним важным направлением он уже определился. – И Петр Дмитриевич повернулся к Лене-прошлой, сидевшей рядом с Николаем.

Лена-прошлая покраснела, опустила голову, а Николай расплылся в счастливой улыбке.

Гм, кто такая эта Лена-прошлая и почему я ее так называю?

Да потому что это я, я! Она мой двойник. Или я – ее? Уже не понять, не разобраться, кто из нас настоящая. Мы с ней похожи, но не слишком.

И что же там насочиняли фантасты о нарушении пространственно-временного континуума? Ерунду они насочиняли. Ведь даже ученые не продвинулись в этом вопросе дальше теории и могли лишь строить догадки о том, что произойдет, если человек из будущего встретится со своим двойником из прошлого.

Ведь никакой континуум не нарушился, когда я оказалась в 1979 году. Я спокойно встретилась с Леной-прошлой, общалась с ней как с подругой (она, кстати, так и не узнала, кто я на самом деле), и никакого катаклизма при этом не произошло.

И эффект бабочки, описанный в знаменитом рассказе Рэя Бредбери «И грянул гром», нам тоже вроде бы не грозил!

Я могу изменить лишь некоторые обстоятельства прошлого (спасти Артура от гибели, например), но повлиять на ми-

ровую историю в целом, просто своим появлением здесь – едва ли.

Взгляд на Лену-прошлую вызывал странные ощущения: смотреть на двойника все равно что листать альбом со своими детскими фотографиями. Это я на фото, но в то же время и не я уже...

Я ощущала эту связь с ней на физическом уровне – и одновременно острое чувство раздвоения.

– О, Николай – парень с головой! – тем временем воскликнул Павел. – Мы с ним как-то говорили о его курсовой... Очень перспективная тема. Главное – позволить себе смелые выводы и правильно расставить акценты. – Павел взял из хрустальной чаши яблоко и громко захрустел им. – Вспомнил статью в журнале «Техника – молодежи»... Прошлогодний номер, июль. Там похожий подход, но в статистической механике. Автор – Антонович, кажется. Очень толково изложено. Коль, почитай, может, натолкнет на правильную формулировку? – обратился он к Николаю. – Твоя идея – свежая, но ее нужно грамотно оформить! Не бойся подчеркнуть практическую значимость твоих исследований, пусть и гипотетических пока. Преподаватели это любят. У тебя получится, старик, главное – здоровое нахальство!

Николай загорелся:

– Антонович? Статья в журнале? Спасибо, Павел, поищу! Про практическую значимость – это мысль, а то наш преподаватель говорит, что я слишком в теорию ухожу. – Николай

смотрел на Павла с растущим уважением.

Затем Павел обратился к Бабане, моей названной бабушке. Рассыпался в комплиментах мне: какая я умница-красавица, талантище – и все это плод ее мудрого воспитания. Бабаня, правда, отреагировала на его похвалы весьма сдержанно.

Потом Павел заговорил с мамой Лены-прошлой (и моей родной мамочкой, получается!), сказав, что принял ее за старшую сестру Лены. Ну что, классические повадки льстеца.

Когда Раиса внесла очередной пирог – свой знаменитый курник – и поставила его на стол, Павел обрушил шквал восхищения и на домработницу Дельмасов:

– Раечка, я в восторге, таких пирогов я не ел с детства! Тесто нежнейшее, начинка тает во рту, вы настоящая кулинарная волшебница! Секретик не откроете?

«Раечка», «секретик»! Раиса покраснела до корней седых волос, смущенно замахала руками:

– Да бросьте, Павел... Никакого секрета, по старым рецептам пекла.

Павел взял кусочек пирога, откусил, с блаженством закрыл глаза:

– М-м-м... Говорите, что никакого секрета? Да это же гастрономический шедевр!

Павел словно постоянно менял маски: был почтителен со старшими, казался своим с Колей, восхищался умениями Раисы. Это было даже больше чем лесть: Павел создавал ил-

люзию глубокого участия в жизни окружающих, заставляя людей чувствовать себя особенными.

Его громкий смех, хруст яблока, размашистые жесты – все это завораживало и в то же время подавляло.

А потом Павел по просьбе Марии Олеговны заиграл на гитаре, и я наконец поняла, на какого киногероя он похож. Он же вылитый Трубадур из старого детского музыкального мультфильма! Многие его персонажи были словно вырваны из этой эпохи; я уже не раз замечала, как окружающие меня люди напоминают героев того мультика.

...Мультфильм «Бременские музыканты» вышел на экраны в 1969 году и сразу стал культовым. Интересно, что даже спустя годы будут все так же перепевать музыкальные хиты из него – про луч солнца золотого и про то, как весело бродить друзьям по белу свету.

В конце первой четверти двадцать первого века станет окончательно ясно, что подобных музыкальных хитов уже никто не сочинит. Останутся лишь одни каверы старых шедевров.

В девяностые годы экраны телевизоров заполонят одни «импортные» мультики – про Чипа и Дейла, Дональда Дака, мишек Гамми, черепашек-ниндзя...

...Павел вдруг вспомнил, что хоть и явился сегодня без приглашения, но зато не с пустыми руками.

И он торжественно преподнес нам с Артуром роман Булгакова «Мастер и Маргарита» (издательство «Художествен-

ная литература», 1973 год). Ранее книга публиковалась в СССР в журнальном варианте, а позже, но тоже в советское время, в 1988 году, книгу еще раз переиздадут. Откуда тогда вдруг в двадцать первом веке возьмется убеждение, что эта книга была под запретом в СССР? И что сам Булгаков, его творчество тоже были под запретом?

Впрочем, да, эта книга шла нарасхват, ее давали почитать – всего на ночь, – были и самодельные перепечатки... Ходило по рукам еще и какое-то зарубежное, парижское издание, кстати.

А в театрах в это время шли спектакли по пьесам Булгакова, выходили фильмы по его книгам... «Иван Васильевич меняет профессию» 1973 года. А, и еще «Бег» 1970 года, «Дни Турбиных» 1976 года.

Так почему же в двадцать первом веке Булгакова будут считать запрещенным советским писателем? Наверное, причиной такого искажения служит эффект Манделы. Явление, при котором у большой группы людей сохраняются ложные воспоминания, не соответствующие реальным событиям. Проще говоря, это коллективные, но заблуждения.

Но интересный выбор для подарка молодоженам – «Мастер и Маргарита»... Павел на что-то намекает?

Вот об этом думала я, глядя на разливающегося соловьем гостя. Павел, что называется, был сегодня душой компании. Но при этом от него исходило какое-то странное напряжение.

Я почувствовала, как Артур невольно сжал мою руку чуть сильнее, когда Павел опять бросил на меня оценивающий взгляд.

А Лена-прошлая... Она сидела неподалеку, и я видела, как ее лицо потемнело, когда Николай, смеясь над шуткой Павла, нечаянно коснулся не ее, а моего плеча. Словно перепутал нас! Лена резко сжала губы и, вскинув нос, тут же демонстративно отодвинулась от Николая. Он испуганно и виновато заморгал глазами и тут же примирительным жестом робко накрыл ее руку своей.

А Павел, до этого кружившийся с гитарой вокруг стола, вдруг скользнул ко мне, наклонился и прошептал на ухо так, что его дыхание обожгло кожу:

– Ты неотразима, Алена. Твоя красота вне времени. Ты как будто из будущего, совершенно ни на кого не похожа...

От неожиданности чашка выскользнула из моих рук, разбившись о пол с оглушительным звоном. В комнате повисла тягостная тишина. Первой ее нарушила Мария Олеговна, бодро провозгласив:

– Посуда бьется к счастью!

Павел на что-то намекает? Он что-то знает? Или просто проверяет мои границы? Испуг, наверное, читался у меня на лице. Павел неотрывно смотрел на меня, и его взгляд был слишком пристальным, слишком... изучающим.

Он, отставив гитару, тут же бросился помогать убирать осколки. В какой-то момент его пальцы снова задержались

на моей руке. Чрезмерно предупредительный товарищ. Да, формально все в рамках приличий, но эти мимолетные и одновременно цепкие взгляды, навязчивые прикосновения... В поведении гостя определенно таилось что-то настораживающее. Что-то опасное.

Кто он такой? Просто харизматичный балагур и дамский угодник? Или Павел действительно что-то знает обо мне? Но откуда? Артур не мог проболтаться о том, что я прибыла сюда из грядущего, в этом я была уверена абсолютно.

А что, если Павел специально следил за мной? И он в курсе, что в моей комнатухе у Бабани, где я жила до замужества с Артуром, среди книг спрятаны устройства, которые я взяла из будущего? Больше всего я опасалась за планшет. Надо бы перенести его сюда, в квартиру Дельмасов. Но тут и без того полно странных приборов – есть ли смысл складывать все яйца в одну корзину?

После общего чаепития Павел решил заглянуть в нашу с Артуром комнату: «Хочу посмотреть, как вы устроились, ребята!»

И там, когда мы остались втроем, Павел вдруг заявил, как будто забыв о моем присутствии:

– Знаешь, Артур, я все думаю о твоей дипломной работе. Твой подход к использованию энергии Солнца... Актуален ли он? Ты же в курсе, что уже существуют солнечные батареи... – Он поднял указательный палец. – Спутники в космосе именно на них и летают.

– Та технология – чересчур дорогая, – возразил Артур. – Да и КПД невелик – промышленность на такой энергии не сможет работать в полную силу. Разве что застелить солнечными панелями полстраны... А жить тогда где? К тому же в нашем климате солнце не всегда выглядывает из-за туч. А мой способ преобразования солнечной энергии – совсем иной.

– Мне кажется, что будущее за мирным атомом, – с жаром возразил Павел. – Слышал про Чернобыль? Там уже ввели очередной энергоблок, я в восторге от этого проекта... А, и во-вторых, твоя идея невозможна в нашем мире, где уже всем правит нефть! – засмеялся он. – Нефть – это власть, и мы этой властью обладаем. У нас много нефти, мы можем ничего не делать, а все необходимое купим у других стран, продав нефть... Поэтому энергия Солнца нам не нужна в таких количествах, какие ты предлагаешь добывать.

– Нефть сама по себе ничего не значит, ее еще надо переработать, – возразил Артур. – Для этого нужны заводы, а у нас их мало... Слишком затратно превращать нефть в бензин, керосин, дизель... А если рынок нефти рухнет? Останемся ни с чем! А моя идея – как эту энергию Солнца сразу пустить в дело, упаковав в специальные аккумуляторы. На выходе получится уже готовый продукт, а не сырье. Кстати, аккумуляторы моего изобретения – на порядок дешевле нынешних солнечных батарей.

Павел задумчиво хмыкнул, постучав пальцами по столу.

– Звучит интригующе. Теоретически!

– Спасибо, Павел, – сдержанно ответил Артур. – Но мою идею задвинули на дальнюю полку.

– Новаторство всегда пугает, – тряхнув золотисто-соломенными волосами, вздохнул Павел. – Согласен, у твоей работы потенциал колоссальный, но мне сказали, что в нынешних условиях...

– Погоди, а с кем ты общался? – довольно бесцеремонно перебил его Артур.

– С кем?.. С дядюшкой своим. Главой ученой комиссии, – добродушно ответил Павел.

– Академик Забужский – твой дядя? – изумился Артур. – Он мне то же самое сказал: что нам не нужны новые источники энергии, поскольку у нас есть нефть и на нее мы можем купить все что угодно.

– Я могу поговорить с дядей, и он изменит свое мнение, – улыбнулся Павел.

– Seriously? – усмехнулся Артур.

– Я мог бы, ну чисто по-семейному, ненароком замолвить за тебя словечко. Намекнуть, что ты не пустозвон, а гений, которому нужно дать дорогу, иначе пострадает репутация самого дяди. Люди посчитают его ретроградом. А дядя ко мне прислушивается, между прочим! Своих детей у него нет, я ему как сын. Спорит со мной, злится порой, но я из него веревки выю... Что думаешь? Может, стоит мне побеседовать с ним?

– Попробуй, – бесстрастно произнес Артур.

– Дядя – человек жесткий, да, – вздохнул Павел. – Но он болеет за дело. И он умеет ценить реальные прорывы в науке.

Артур пожал плечами:

– Ну я уже пытался ему объяснить, что получение дешевого источника энергии и возможность хранить его новаторским способом в перспективе подорвет основы западной экономики. Тогда можно будет сказать «большой привет» Рокфеллерам, Ротшильдам и прочим магнатам, ведь СССР станет монополистом в производстве, хранении и транспортировке дешевой энергии.

– Понимаю. Короче... Попытаюсь с ним еще раз поговорить на эту тему, – серьезно произнес Павел. Он вдруг повернулся ко мне, уставился мне прямо в глаза, продолжая при этом обращаться к Артуру: – Решение моего дяди может стать окончательным для судьбы твоего открытия.

– Алена! – Я услышала голос Бабани. – Мне пора, деточка...

Я стряхнула с себя наваждение и вышла в коридор – Бабаня собиралась идти к себе домой. В руках она с трудом удерживала довольно большой сверток – это Раиса нагрузила ее какими-то разносолами домашнего изготовления.

– Я помогу, – протянула я руки к Бабане, но меня опередил Павел, перехватив сверток:

– Анна Яковлевна, не беспокойтесь, донесу все до квартиры... – Он обернулся ко мне: – Алена, ты ведь раньше там

жила, да? Посмотрю твои книги? Могу чего-нибудь взять почитать?

Сердце у меня екнуло, но я не успела ничего сказать: в коридор из гостиной высыпали родители Артура, Раиса, мама, Лена-прошлая с Николаем... Гости расходились.

А когда суета улеглась и все закончили прощаться, я обнаружила, что Бабаня с Павлом уже ушли. А Артура, как назло, кто-то позвонил по телефону. Я немного подождала мужа, но потом не вытерпела, крикнула Раисе, что зайду к Бабане, и, накинув на плечи плащ, выскочила на лестничную площадку.

А там из квартиры напротив, стуча тростью, выбрался на вечернюю прогулку старик Усольцев.

– Добрый вечер, писательница ты наша! – бодро приветствовал он меня. – Погоды нынче хорошие, надо пройтись, ибо движение – жизнь. – Кряхтя, старик Усольцев наклонился и положил ключ от своей входной двери под коврик. Разогнулся и охотно пояснил: – Вот, боюсь потерять... Дыру в кармане так и не зашил, прореха там... Тут надежнее.

Я коротко поздоровалась с соседом и, не дожидаясь лифта, побежала вниз по лестнице. Я не должна была допустить, чтобы этот Павел рылся в моих книгах, где хранились артефакты из будущего...

Пока спускалась, удивлялась, насколько беспечны люди сейчас. Некоторые прячут ключи под ковриком прямо у дверей своей квартиры! Но подобные действия в это время были

почти нормой, частью этого странного безмятежного мира.

В двадцать первом веке это сочли бы безумием.

Причина крылась в самой сути советской жизни. Преступность, особенно квартирные кражи, была довольно низкой.

Жесткий контроль государства ощущался повсюду: милиция держала уличную преступность в ежовых рукавицах. Участковым милиционерам нередко помогали дворники, которые сообщали обо всем подозрительном, что творилось на вверенных им территориях.

А еще существовало такое уникальное явление, как ДНД – добровольная народная дружина: улицы специально патрулировали мужчины и женщины с красными повязками на руках. Это были добровольцы из числа самых обычных граждан. Их обязанностью было предотвращать преступления, усмирять хулиганов и по возможности доставлять их в милицию, сопровождать пьяных граждан домой или в вытрезвитель, оказывать помощь детям и старикам. На общественных мероприятиях они же следили за порядком и чистотой.

Но эта деятельность не была работой в обычном понимании, все происходило именно на добровольных началах. Дружинникам не полагалась заработная плата, хотя они могли рассчитывать на отгул по месту работы и увеличение отпуска на несколько дней. Еще дружинников поощряли, давая почетные грамоты, нагрудные знаки, денежные премии и подарки. Наиболее активные члены народных дружин могли рассчитывать и на более весомые блага – преимущественное

получение жилья, льготные путевки в санатории.

Дээндэшников снабжали свистком для привлечения постового милиционера, той самой красной повязкой на руку и удостоверением.

Многие становились дружинниками с искренним желанием служить обществу и поддерживать порядок. В фильме 1985 года «Самая обаятельная и привлекательная» у героини после участия в рейде дружины остается комичное и неприятное последствие – фингал под глазом.

Казалось, эта практика добровольного патрулирования улиц исчезла вместе с СССР... Но жизнь, как известно, движется по спирали. Спустя годы, в двадцать первом веке, добровольные народные дружины стали возрождаться в России.

...Словом, некоторые граждане сейчас не боялись оставлять ключи под ковриком. Ведь существовала еще так называемая соседская солидарность. Люди знали друг друга в лицо, знали распорядок дня соседей. Незнакомый человек, топчущийся у чужих дверей, вызывал подозрение и желание разобраться. Да и участковый милиционер, изучивший свой район и его обитателей как свои пять пальцев, регулярно обходил дворы, добавляя ощущение защищенности.

Разумеется, эта идиллия была хрупкой и царила не везде. Относительно безопасно оставить ключ под ковриком можно было в тихих спальных районах, в небольших городках с крепким сообществом соседей. А вот в центрах больших городов, у вокзалов, в общежитиях – риск был уже иным.

Квартирные кражи там и в советское время случались. Но шанс быть обокраденным казался людям настолько малым, что удобство перевешивало. Зачем таскать ключ, если можно просто сунуть руку под коврик?

Да и сами воры в советское время не суетились, не лезли к простому служащему или пенсионерке. Они могли неделями, как тот самый Жорж Милославский, что высматривал зубного врача в фильме «Иван Васильевич меняет профессию», изучать жертву, ее привычки, обстановку. И двери чаще не ломали топором, а вскрывали изящно – отмычкой.

Но и в советское время богатые люди боялись ограблений, существовали и те, кому было что терять, – вроде Шефа из «Бриллиантовой руки», квартиру которого защищала бронированная дверь со множеством хитроумных замков.

Все рухнет в девяностые. Хлынет волна преступности, исчезнут дворники-стражи, участковые потеряют связь с населением, дружинники канут в Лету. Люди станут чужими, и деревянные двери массово сменятся на железные. Никто уже не рискнет оставить ключ под ковриком.

А сейчас, в семидесятые, одинаковые ключи у жильцов – еще один символ эпохи. Стоит вспомнить момент в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1976 года), где герой своим ключом спокойно открывает дверь в чужую квартиру.

...Я выскочила на улицу, намереваясь бежать к первому подъезду (там жила Бабаня), но на дорожке возле дома напе-

перез мне бросилась тень. Овчарка! Да еще необычно крупная даже для своей породы. Издав грозный рык, она заставила меня остановиться и замереть.

– Молодец, Герда. Хорошо охраняешь, – услышала я знакомый голос. Это была Нина. Она подошла к овчарке, которая села напротив меня, преграждая дорогу, и одобрительно погладила собаку по холке. Я даже пошевелиться не могла: при малейшем моем движении Герда дергалась вперед и начинала тихо, но весьма недобро рычать.

– Серьезная собачка, – осторожно сказала я. – А где Мирон?

Мироном звали прежнего питомца Нины, пушистую маленькую дворнягу, больше напоминающую барашка – и видом, и своим забавным поведением.

– Мирона я в деревню родне отдала: толку от него никакого, – усмехнулась Нина. – Одна суета... Не собака, а недо-разумение какое-то.

Свет от фонаря падал на Нину сверху вниз, меняя ее до неузнаваемости. Прическа у нее была новой, другой, «дамской» – свои волосы она теперь убирала в пышную высокую «халу». У Нины была странная фигура – красивые длинные стройные ноги и короткое широкое туловище без талии, мощные плечи. Кажется, я только сейчас заметила эти особенности ее фигуры, потому что Нина надела мини: из-под короткого плаща у нее выглядывала такая же короткая юбка.

Нина являлась когда-то моей одноклассницей и лучшей

подругой долгие годы. Соответственно, она была сейчас и бывшей одноклассницей Лены-прошлой. Правда, я с помощью интриг и шантажа рассорила Лену с Ниной, осознанно разрушила их дружбу.

Потому что из опыта своей прошлой жизни я знала, что такая подруга, как Нина, – хуже заклятого врага.

– Ленка рассказывала, что вы с Артуром поженились? – вежливо спросила Нина и, не дожидаясь ответа, холодно продолжила: – Поздравляю.

Я кивнула, а Герда опять зарычала.

– Возьми собаку на поводок, – осторожно произнесла я.

– Зачем? – усмехнулась Нина. – Герда – умнейшая, она без команды ничего плохого не сделает. С ней я ничего теперь не боюсь, никакие угрозы мне не страшны.

Она явно намекала на наши прошлые с ней трения. Стоп... Неужели они с Леной-прошлой опять начали общаться? Все эти перемены мне очень не нравились.

– Мне надо пройти, – кротко произнесла я.

– Кто ж тебе не дает? – простодушно удивилась Нина. – Герда, за мной... – Она направилась во двор, овчарка послушно последовала за ней.

Я зашла в первый подъезд, поднялась на нужный этаж, открыла дверь своим ключом. Думала в этот момент только об одном – как не допустить Павла в свою комнату, где у меня среди книг прятался планшет, устройство из двадцать первого века.

Но оказалось, что Павел уже ушел.

Бабаня сообщила, что Павел только вещи ей помог донести. А в мою комнату она не стала его пускать.

– Ишь какой шустрый паренек, рвется куда не надо... – неодобрительно заметила Бабаня. – Стану я без тебя посторонних к твоим вещам подпускать...

– Спасибо! – обрадовалась я. – И в дальнейшем тоже никого ко мне в комнату не пускай.

– А то я не знаю, – усмехнулась она. – А глазищи у этого Павла так и зыркают... К тебе, поди, подход ищет. Ты Артура береги, он у тебя золото, а не муж. Жалеет тебя!

Бабаня всегда так говорила о семейной жизни: «Главное, чтоб муж жалел». В этом слове для нее заключалось все – и помощь, и поддержка, и забота.

Бабаня была родом из деревни. А в русских деревнях в давние времена глагол «жалеть» являлся синонимом слова «любить». Сейчас мы воспринимаем жалость как сострадание. Но раньше это было очень емкое слово, вмещавшее множество смыслов.

Я попрощалась с Бабаней, обещав, что приду еще завтра, подошью ей новое платье.

А когда я вышла из подъезда, то наткнулась на старика Усольцева. Он стоял на дорожке возле дома, опершись на трость, и с опаской наблюдал издали за Ниной во дворе – она кидала Герде ветку, овчарка грозно лаяла, бежала за веткой и послушно приносила ее Нине.

Старик Усольцев выглядел напряженным, его взгляд был прикован к овчарке, а дрожащие пальцы судорожно сжимали ручку трости.

– Дим Димыч, что случилось? – испугалась я. – Вам нехорошо?

– Нет, Аленушка, ничего. Просто... собака. Овчарка. Немецкая овчарка.

– Вы боитесь собак? – спросила я.

– Как сказать... Не всех. Вот овчарок я опасаясь, – неохотно признался старик.

– Да, серьезная порода... – согласилась я, наблюдая за Ниной и Гердой, мечущейся по двору.

– Мне овчарки прошлое напоминают. Я ведь в концлагере успел побывать. Военнопленным был. Этот лай... – Он опять вздрогнул, когда Герда в очередной раз грозно залаяла. – Этот лай у меня стоял тогда в ушах день и ночь. Он и во снах меня до сих пор преследует. Он до самого конца – у многих, кто в плену побывал.

– Овчарки охраняли концлагерь? – догадалась я.

– Ну да... – горько усмехнулся Усольцев. – Фашисты их сделали жестокими охранниками. Не всех, конечно, только агрессивных. – Он помолчал. – Эти псы были надсмотрщиками, они вынюхивали, искали сбежавших заключенных по лесам. Если за тобой пускали такую свору, то спасения не было.

– Какой ужас. Я даже представить это не могу, – вздрог-

нула я.

Усольцев продолжил, глядя в сторону, в пустоту:

– Самый страшный конец, самая жуткая казнь – это когда живого человека собаки рвут на части. Эти огромные звери, их лай, рык... Это не забывается. Никогда.

Я невольно вспомнила фильм «Чистое небо» (1961 года), где герой, вернувшийся из фашистского плена, признавался, как в концлагере «собаками рвали на мне мясо». Я осторожно прикоснулась к плечу Усольцева:

– Но ведь это не собаки виноваты в том, что было? Вот, например, взять эту Герду сейчас. Она же просто слушается хозяйку, Нину. Как Мухтар в фильме, помните? Или Джульбарс. Или тот пес из фильма, где про четырех танкистов и собаку. Собака может быть и помощником. Самоотверженным другом и героем!

– Знаю, Аленушка, знаю, – вздохнул старик Усольцев. – Умом-то я все понимаю. Порода это замечательная. Универсальная. Сильная, преданная. Фашисты – они не только людей уничтожали, они и репутацию этим старательным животным подпортили. Навсегда – для тех, кого они преследовали. Вот почему, ты думаешь, я хромаю? Ноги мне они тогда сильно погрызли.

Я помолчала, потом произнесла, стараясь, чтобы голос у меня не дрожал:

– Собака – она просто исполнитель. Куда ее направят, туда она и пойдет. Что прикажут, то и сделает. Зло не в ней, зло

– в тех, кто направлял ее, кто ей приказывал. Фашисты во всем виноваты, вы сами сказали...

В этот момент из темноты вдруг выступил человек в милицейской форме и совершенно бесстрашно направился к Нине. Это был наш участковый – Станислав Федорович Никитин.

Человек, за которого я чуть было не вышла замуж. Я любила его... Или мне казалось, что любила? Ведь выбрала-то я Артура в конце концов...

Нина была вынуждена резко схватить Герду за ошейник: та уже готовилась броситься на участкового.

Никитин негромко отчитал Нину: нечего шуметь вечером во дворе – и вообще, для выгула собак есть специальная площадка в соседнем дворе. Никитин велел Нине выводить Герду в ошейнике и наморднике, ведь это служебная собака, надо правильно с ней обращаться – для того чтобы никто из других жильцов не пострадал.

Нина ушла хмурясь – я увидела ее лицо в свете фонаря, когда она оглянулась, уводя Герду. Нина была явно недовольна тем, что ее отчитали.

А старик Усольцев мгновенно взбодрился и принялся бодро бегать вдоль дома туда-сюда, туда-сюда, стуча своей тростью. Это был его вечерний моцион: врач ему посоветовал гулять утром и вечером.

Никитин заметил меня, стоящую у подъезда. Несколько мгновений как будто раздумывал, затем зашагал ко мне, при-

держивая локтем папку. Я вздохнула: что ж, рано или поздно нам пришлось бы столкнуться лицом к лицу.

– Алена, здравствуй, – вежливо произнес он.

– Привет, Стас, – тихо ответила я.

Никитин дернулся:

– Алена... Ну зачем ты так, по имени... Хотя чего это я, ну глупо же, если она вдруг начнет меня называть Станиславом Федоровичем, – тут же возразил он сам себе. Иногда, в минуту сильного волнения, участковый начинал говорить о присутствующих в третьем лице.

Почему у нас с ним ничего не получилось? Он старше меня почти вдвое (мне девятнадцать, ему тридцать восемь). А еще я внезапно стала известной личностью – поступила в литературный институт, мою повесть опубликовали в журнале «Юность». Повестью заинтересовались киношники, известный режиссер собирался ее в ближайшее время экранизировать – уже шла работа, один раз мне удалось даже побывать на съемочной площадке...

Никитин решил, что он, обычный участковый, «гроза алкоголиков и тунеядцев», как он сам себя называл, – не пара мне, и мы расстались. Наверное, оно и к лучшему: довольно скоро я поняла, что люблю Артура. Я его всегда любила, еще с прошлой жизни, просто на меня повлияли гормональные встряски, вызванные путешествием во времени. Это непросто – в конце жизни обрести молодость и вновь преодолевать все ее искушения.

Да, только не думайте, что ту повесть написала я... Это сделала за меня программа. Искусственный интеллект, нейросеть.

Она создала текст о первой любви, скомпилировав популярные сюжеты из литературы и кино семидесятых, – что-то в духе «Вам и не снилось» или «В моей смерти прошу винить Клаву К.» и других похожих историй. Первая любовь, первая печаль...

Нейросеть была предустановлена в планшете, который Николай дал мне с собой в прошлое. И в дальнейшем она должна была сочинять за меня тексты: ей не нужны были ни интернет, ни серверы, ни связь, она являлась полностью автономной.

...Свет от фонаря падал Никитину на лицо. Может, дело было в искусственном освещении, а может, в чем-то еще – но Никитин вдруг показался мне тоже каким-то другим. Уж слишком постаревшим. А ведь недавно наши старушки на лавочке сравнивали его с одним прибалтийским актером, красавцем-блондином.

– Как ты? – спросила я.

Никитин пожал плечами:

– Все так же. А ты выглядишь счастливой. Давно была свадьба?

– Два дня назад.

– Поздравляю. – Он прерывисто вздохнул. – Искренне поздравляю. Ты заслуживаешь счастья.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я.

– Как странно она на меня смотрит... Я плохо выгляжу, да? Усталым? Постаревшим? – спросил Никитин и, не дожидаясь ответа, произнес убежденно: – Так и есть. Время... оно ведь не ко всем одинаково благосклонно относится, кого-то и не щадит. Я много думал, знаешь ли.

– О чем? – спросила я.

– О нас. У тебя есть будущее. А у меня его нет. Нас разделяет пропасть. Целая жизнь между нами. – И Никитин вдруг без всякого перехода добавил: – Я тебя люблю.

– А я – любила тебя, – вырвалось у меня.

– Знаю, – кивнул Никитин. – Но ты была бы несчастной рядом со мной. Береги себя, пожалуйста.

– Ты тоже береги себя, – ответила я.

– Покажи кольцо, – вдруг попросил он.

Я вытянула руку из кармана плаща – кольцо блеснуло на моем пальце в свете фонаря.

– А фамилию ты тоже сменила? – уставившись на мою руку, севшим голосом спросил Никитин.

– Да, – сказала я. – Я теперь – Алена Дельмас.

Никитин усмехнулся. Наверное, он сейчас представил рядом с моим именем свою фамилию.

Господи, как же жалко его... И в то же время я радовалась, что мой старый паспорт, поддельный, – уничтожен. И к новому документу, удостоверяющему мою личность, уже никто не сможет придраться: он безупречен.

– Как же он был счастлив с ней, как же счастлив... Каждый день, утром, просыпается – и словно видит ее рядом. А ее – нет... – Никитин кинул на меня какой-то горячечный, почти безумный взгляд. Затем развернулся и ушел, скрывшись в темноте.

– Я уже хотел тебя искать, – сказал мне Артур, когда я вернулась в квартиру Дельмасов и зашла в нашу с ним комнату. Муж мой сидел за столом и что-то писал в большой тетради, издалека я увидела россыпь формул на страницах.

– Хотела остановить Павла, – объяснила я. – Он ведь собирался сунуть нос в мои книги.

– Я понял. Ты... успела? – осторожно спросил Артур.

– Он уже ушел, Бабаня была на страже, не пустила его ко мне в комнату.

– Слава нашей Бабане, – вполне серьезно произнес Артур, протягивая ко мне руки. Я подошла, села к нему на колени, положила голову на плечо. Он обнял меня, прижал к себе: – Ты мое солнышко...

– Ленка меня пугает, – призналась я, уткнувшись лицом в его шею. – Она снова общается с Ниной, представляешь? Я так старалась их рассорить, и все напрасно, получается!

– Лена как будто ревнует к тебе Николая.

– Да, ты тоже заметил? Он стал путать меня с ней... – пробормотала я.

– Ты хорошее слово нашла – «путать». Когда я вижу вас с

Ленкой рядом, то тоже... – замялся Артур. – Нет, я не путаю вас, но замечаю, как вы с ней похожи.

– Мы же разные: я выше ее, тоньше, у меня светлые длинные волосы и голубые глаза, а у нее все наоборот – она приземиста, коренаста, у нее глаза карие, волосы темные и хоть и немного, но все-таки короче моих...

– У вас бывают одинаковые движения, – возразил Артур, прижимая меня к себе. – Иногда краем глаза ловлю сходство. Голоса вроде у вас с Ленкой тоже разные, а вот интонации – часто похожие, и то, как вы с ней произносите некоторые слова...

– И это ты заметил! Мне начать ревновать тебя к ней? – шутливо спросила я. – Ведь она – это я.

– Нет, вы с ней разные. Ты другой человек, – не согласился муж мой. – Но Николай как будто *путается*, и мне это не нравится. Я ведь в курсе, что в прошлой жизни, в юности, он был влюблен в тебя. В 2025 году, отправляя тебя в прошлое в капсуле времени, он так тебе и заявил тогда, да? Это мне надо ревновать тебя к брату.

– Может, надо рассказать им о себе – твоему брату и моему двойнику Лене? Сразу снимутся многие проблемы... – предложила я.

– Надо обдумать этот вопрос как следует, ни к чему торопиться, – ответил Артур. – Возможно, все обойдется – если мы с тобой переедем куда-то отсюда.

– Еще этот Павел меня напугал! – призналась я. – Заявил

вдруг, что я – словно из будущего. Ты ему обо мне рассказывал, что ли?

– Нет, конечно! – возмутился Артур. – Мне кажется, он в тебя влюбился.

– Влюбился?! – Тут уж я возмутилась. – Да он меня в первый раз увидел...

– Нет. Вы с ним встречались, в конце весны, что ли...

– Мы? – изумилась я. И вдруг вспомнила, где и при каких обстоятельствах я видела Павла. Да в студенческом буфете, в одном из корпусов Бауманского училища! Я туда побралась один раз, чтобы встретиться с Артуром. Я там сидела за столиком, слушала разговоры студентов вокруг и пила кофе.

– *Девушка, а вы с какого факультета?* – раздался рядом голос. К моему столику подсел молодой человек в пестрой рубашке и с гривой светлых волос до плеч.

– *С факультета магических наук,* – рассеянно бросила я.

– *Какая прелесть!* – возрадовался молодой человек. – *А как вас зовут?*

– *Фрези Грант,* – ответила я.

– *Чудесное имя...* – опять восхитился тот. – *Ну а я – Томас Гарвей!*² *Сама судьба свела нас сегодня...*

– *Ермолов, иди отсюда, это моя девушка,* – рядом вдруг появился Артур, буквально потряхнул со стула «Томаса». Сел на тот же стул напротив меня и строго спросил: – *Алена, откуда ты тут взялась?*

² Персонажи из романа Александра Грина «Бегущая по волнам».

...Точно, это был Павел. Сегодняшний незванный гость – Павел Ермолов, получается. Племянник всесильного академика Забуцкого, который зарубил исследования моего мужа.

– Я вспомнила Павла! – призналась я. И спросила Артура: – Но почему ты думаешь, что он в меня влюбился?

– Знаешь, хоть я и физик, а не лирик совсем, да и вообще привык опираться только на факты... Но Павел смотрит на тебя с тем же голодным выражением, что и наш дорогой Станислав Федорович Никитин.

– «Наш»... «дорогой»... – с досадой передразнила я. – Ладно, не буду тебе мешать, работай.

Я отправилась в гостиную, включила телевизор, села на диван. Шла передача «Спокойной ночи, малыши!»

Какие знакомые голоса! Голоса тех, кто озвучивал зайца Степашку, пса Филю и поросенка Хрюшу. Ведущая, тетя Лина – диктор Центрального телевидения СССР Ангелина Михайловна Вовк. Сначала ведущая разобрала ссору между Хрюшей и Филей, а позитивный Степашка призвал друзей не ссориться и решать проблемы открытым и честным обсуждением; словом, все сделали правильные выводы. Потом показали мультфильм, в этот раз – очередную серию про сказочных лесных человечков Вахмурку и Кржемелека. Потом действие снова вернулось в студию, кукольные герои передачи и ведущая пожелали маленьким зрителям спокойной ночи.

...Помнится, в детстве, да и позже, в подростковом воз-

расте и даже юности, я с удовольствием иногда смотрела мультфильмы, которые показывали в этой передаче. И больше всего не любила, когда показ мультфильма отменяли, а вместо него ведущая – а они сменяли друг друга, запомнилась особенно еще тетя Валя (Валентина Леонтьева) – рассказывала о синичке Зиньке. Я ненавидела эту синичку, хотя рассказы Бианки об этой птичке были очень милы. Но любимая передача без мультфильма – это возмутительно! Из всех ведущих детской передачи я обожала Владимира Ухина – дядю Володю, так его все называли. Леонтьева мне не нравилась: мне казалось, что она слишком любит себя, что ли...

Я встала с дивана, вручную переключила канал – на другом уже шел фильм из цикла «Следствие ведут ЗнаТоКи», серия «До третьего выстрела» 1978 года. История о том, как преступник совершает вооруженное ограбление магазина и, уходя от погони, выбрасывает пистолет в жилом дворе. Оружие находит компания подростков, и за пистолетом теперь охотятся и преступники, и милиция. Знаменский, Томин и Кибрит ведут расследование... В этой серии был намек на любовную линию Знаменского и героини Анны Каменковой.

Конечно, милиционеры найдут преступника!

Я села на диван, устроилась поудобнее, погрузилась в просмотр фильма. Но что-то мешало мне сосредоточиться...

Никитин. Как же его жалко. Сегодня он выглядел просто ужасно, постаревшим лет на десять. Может, он стал

пить? Или у него случилось профессиональное выгорание? Он считал свою работу нужной и важной, но принадлежал к породе рефлексирующих людей: он постоянно оценивал себя, и не в лучшую сторону. С таким характером, конечно, сложно работать с людьми, да еще с сугубо проблемным контингентом. Он говорил о себе и о том, чем занимается, так: «Я нищий и скучный. Я зануда, который каждый день возится с алкоголиками и хулиганами. Я – рефери в коммунальных разборках, надсмотрщик над тунеядцами».

У него как будто депрессия?

Но кого я обманываю: Никитин переживал сейчас из-за того, что мы с ним расстались, да еще расставание это было сопряжено с очень тяжелыми обстоятельствами. И я стала женой молодого, красивого и талантливого Артура Дельмаса. И вошла в его небедную семью «со связями».

Что может взбодрить Никитина? Это не мое дело, но... и мое тоже. Никитину может повезти, допустим, в службе. Например, если он найдет опасного преступника и обезвредит его. Участкового тогда наградят, возможно повысят в звании... Когда человек ощущает, что он нужен и полезен, это сразу придает ему сил и оптимизма.

Если Никитин совершит, условно говоря, подвиг на работе, то, думаю, настроение его улучшится. Успех в профессиональной деятельности наверняка поднял бы ему настроение и заставил отвлечься от переживаний, связанных со мной.

Я так напряженно думала об этом, что сама не заметила,

как кончился фильм и началась следующая передача. Ее ведущий, полный немолодой мужчина с выпученными глазами и усами, похожими на тюленьи, принялся рассказывать о проблемах в секторе Газа.

Я вздрогнула, услышав знакомые слова: «Ближний Восток», «Иордан», «сектор Газа». Их будут твердить и в двадцать первом веке. Ничего не изменится и спустя десятилетия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.